

Сергей МАКСИМОВ

СИБИРСКИЙ КАПРИС

Пронизанная ярким солнцем, наполненная запахом цветущей черемухи атмосфера раннего майского утра не предвещала дурных вестей. Телефонному звонку альтиста Андрея Чудакова я не удивился. Завтра у нас выезд в Новосибирск. Вероятно, друг хочет что-то уточнить. Вместе давно не работаем. Андрей по-прежнему преподает в Томском государственном университете, но вернулся и в местную филармонию. Аккордеонист Вячеслав Крестинин, кроме того, что остался преподавателем Томского губернаторского колледжа культуры и искусств, солирует в ансамбле русских народных инструментов «Сибирские узоры». Я, неожиданно не только для окружающих, но и для себя, стал автором исторической прозы. Из поэта, режиссера и музыканта преобразился в прозаика... Завтрашнее выступление в столице Сибири особого рода. Нам предстояло играть на научно-практической конференции врачей-дерматологов...

— Серега, Леха Зимаков умер, — без каких-либо предисловий объявляет друг.

— Когда?

— Позавчера. Приехал из Ростова-на-Дону.

— Что случилось-то?

— Говорят, тромб оторвался...

— Когда похороны?

— Завтра, в двенадцать...

Думая об одном и том же, оба молчим. Если бы дело касалось денег, мы, не задумываясь, отменили бы любой, даже самый выгодный, концерт. Но здесь дело другого рода... Отработать на конференции попросил наш верный друг и давний поклонник нашего прекратившего свое существование примечательного музыкального коллектива. По жанровой классификации это был камерный ансамбль, состоявший из аккордеона, альты и гитары. Плюс мой вокал.

— Что думаешь? — спрашивает Андрей.

Что тут думать! Смерть даже близкого родственника в артистической среде не является уважительной причиной для отмены концерта или спектакля.

— Леша нас простит, — отвечаю сдержанно и спокойно.

Алексею Зимакову, как и нам, не единожды приходилось выходить на сцену вместо того, чтобы навсегда проститься с дорогим человеком. Однако смерть его наступила не вчера... Все самое страшное произошло гораздо раньше...

Зима и Зимаков

Чрезвычайно морозное раннее утро накануне Нового 2013 года вступало в Томск, продираясь через густой туман сизого, сковавшего город холода. Из-за сильных морозов в доме из маневренного фонда, где я тогда проживал, замерзли трубы отопления, и я с утра пораньше занимался тем, что в предрассветной темноте с фонарем во лбу утеплял пустующие квартиры. Двухэтажная деревяшка готовилась к расселению и во многих помещениях было отключено электричество. Из темноты возникли жена и увязавшийся за ней наш сибирский кот по кличке Саня, брошенный одним из прежних жильцов накануне...

— Андрей Семенович звонит, — выдыхая изо рта пар и протягивая мне телефон, говорит моя Юля. Утро не то время, когда музыканты расположены к телефонным звонкам... Было понятно, что случилось нечто чрезвычайное. Во мраке вибрировал и сиял синим цветом мобильник.

— Серега, Леха Зимаков, кажется, руки отморозил, — без каких-либо предисловий встревоженно объявляет мой друг.

Ничего, кроме мата, в тот момент мной не произносится. Никакими другими словами не выразить понимания произошедшего и почти мгновенного осознания свалившейся беды. Музыкант-гитарист отморозил руки... Последствия очевидны...

— Андрей, давай сначала...

— Сейчас мне позвонил... Говорит, вчера вечером потерял где-то ключи... Не мог попасть в подъезд. То ли домофон не работал, то ли тыкал непонятно куда. На улице около часа стоял, пока кто-то из соседей не открыл. Сейчас руки черные... Что делать будем?

Что делать, Андрей знает не хуже меня. Это не тот случай, чтобы ограничиться походом в травмпункт или вызовом скорой медицинской помощи.

— Андрей, дай я соображу... Перезвоню...

— Жду...

— Саня! — кричу на кота, путающегося под ногами и сбивающего с мыслей.

Судорожно соображаю, соотнося все сложности свалившегося несчастья. Круг общения у нас достаточно широкий. В том числе во врачебной среде. От ректора медицинского университета Вячеслава Новицкого до многих томских врачей. Подумав, набираю телефон Владимира Байтингера. Знакомы с тех времен, когда Владимир Федорович еще не был академиком медицины и директором НИИ микрохирургии. Главное, что он знаком с Зимаковым лично.

— Хватайте его и везите в клинику. В каком бы состоянии ни находился, — с полуслова поняв, в чем дело, с распорядительностью хирурга почти приказывает Байтингер. — Я сам не в Томске, но бригаду подниму. Вас будут ждать...

Перезваниваю Андрею. Все делаем правильно. Хватает ума, чтобы понимать, — попади Алексей в дежурную по скорой помощи клинику, там не мудрствуя лукаво оттяпают руки сразу, с запасом... Почернение при обморожении — приговор конечностям.

Виртуоз

Ох, Леха, Леха! Интернет-ресурс music-education.ru сообщает: «Алексей Викторович Зимаков родился 3 января 1971 г. в сибирском городе Томске. Является выдающимся российским гитаристом. Гениальный исполнитель, потрясающий виртуоз. Обладает необычайной музыкальностью, недостижимой техникой и чистотой исполнения. Получил признание в России и за рубежом». Вероятно, скоро будет добавлено: «Проживал в Томске», с указанием даты кончины... Судьба любого выдающегося музыканта не лишена драматизма. В нашем случае житейская, казалось бы, драма трансформировалась в трагедию.

«Не от мира сего» — это про Лешу. «Полное погружение в музыку» — тоже про него. На одном из зарубежных концертов учудил небывалое... Разыгрываясь перед выступлением, снял тесные концертные туфли и до самого выхода сосредоточенно репетировал. Пока его не растолкали, как погруженного в сладкий сон ребенка, и не подтолкнули на сцену. Так в носках, с гитарой в одной руке и с подставкой под ногу в другой руке он вышел на сцену. Искушенная публика не могла не заметить необычность происходящего, но качество последовавшего исполнения увело зрительское восприятие от смехотворной бытовой детали к категориям вечным... Только шквал аплодисментов, перешедший в овацию, вернул потрясенный зал на грешную землю, к личности высокого, красивого, курчавого, полубосого музыканта из Сибири с русской фамилией Зимаков.

Не следовало бы вообще писать о Зимакове, чтобы повторять общие фразы из энциклопедии. Руководствуюсь правилом писать только о том, о чем, помимо меня, вряд ли кто напишет...

Леша был не просто чрезвычайно одаренным музыкантом. Он был уникален. Кроме природной одаренности и трудолюбия, существовала еще одна характерная особенность, объясняющая его уникальность как исполнителя, — совершенно особенные руки... Ладони были огромны, что выглядело органично при его немалом росте. Здороваясь с ним, многие замечали, что их рука тонет в объятии его гигантской ладони... Однажды, взглянув пристально, поразился уникальным анатомическим свойствам кистей рук. Первые от ладонки мощные, крупные фаланги пальцев плавно переходили в менее крупные и сильные средние, тогда как крайние фаланги были тонки и изящны. Добавьте к этому необычайную растяжку... При

(извиняюсь за выбор слова) растопыренной ладони большой палец и мизинец образовывали прямую линию совершенно немислимой для обычного человека длины. Сколько ладов на грифе гитары он точно перекрывал пальцами левой руки, теперь никто не скажет. Из двенадцати не менее пяти-шести...

При исполнении это выливалось в нечто непостижимое... Обладая непревзойденной техникой, за свою исполнительскую карьеру, точно из озорства, он исполнил на гитаре все 24 скрипичных каприса Паганини. Это хорошему скрипачу крошечный, по сравнению с гитарным, гриф скрипки позволяет внятно и четко проиграть в ускоренном темпе сложное скрипичное произведение. Каким нужно быть виртуозом, чтобы адаптировать скрипичную вещь для гитары, можно понять, просто соотнеся длину скрипичного и гитарного грифов. Вероятно, Алексей Зимаков был единственным гитаристом в мире, которому удалось перенести скрипичную технику левой руки на гитару. Сам характер личности музыканта точно соответствовал итальянскому термину *capriccio*, или *caprice* по-французски. Что значит — каприз, прихоть, причудливый изыск. Произведение академической музыки, написанное в свободной форме.

Довелось быть свидетелем его работы над двадцать четвертым, последним, каприсом Паганини... На гастролях.

Гастрольные скитания

В начале нулевых директор Томской государственной филармонии Ольга Лесина предложила нам с Андреем Чудаковым вспомнить лихие девяностые, когда из-за нехватки средств на пропитание мы вдвоем с Андреем год или два гастролировали за весь концертно-камерный отдел филармонии. За свой счет... В те годы учреждения культуры финансировались государством даже хуже, чем организации здравоохранения и образования... Схема нашей гастрольной деятельности была примитивна, но действенна и оригинальна... На свои личные средства рейсовым автобусом мы выезжали на север Томской области, за три-четыре дня отработывали концертную норму (12 концертов), возвращались в Томск и прощались с филармонией до следующего месяца. Месяца через три-четыре директор этого учреждения выполняла взятые на себя обязательства, и мы впервые за многие дни, недели и месяцы получали положенную нам зарплату, командировочные, суточные, квартирные и проездные... Получалась приличная сумма... Однажды злопыхатели стали интересоваться:

— А чевои-то артисты так много у нас получают?

— Действительно, — стала вторить злым языкам директриса. — Что это за творчество у вас такое? Три-четыре концерта в день... И почему репетируете не в филармонии?

Как будто не знает, что, кроме филармонии, нам приходилось подрабатывать еще в ряде мест, включая ресторан... Не ведает, что смета гастролей с участием бригады артистов непомерно больше,

нежели приглашение нашего примечательного дуэта. Ежедневно ходить на репетиции, как музыканты симфонического оркестра, мы не собирались и не имели физической возможности... Словом, мы уволились...

В начале нулевых финансирование наладилось, но культурно-просветительские учреждения в томской глубинке оказались на грани вымирания. Концертных площадок почти не осталось, гостиницы практически исчезли, а отели еще не появились. Потому Ольга Викторовна решила вернуться к проверенному жизнью экстравагантному гастрольному формату прежних лет. Артисты-экстремалы опять оказались востребованными.

В этот раз Чудаков перехватил у Лесиной инициативу. В нем уже жил будущий руководитель камерного ансамбля Sonore (итал. «звонкий звук»). Позже он стал приглашать под каждую новую концертную программу разных музыкантов. А тогда в ответ на предложение администрации предложил сам:

— А давайте мы не с Максимовым вдвоем съездим, а вчетвером...

— Кто еще?

— Зимаков и аккордеонист Крестинин...

— Если они согласятся, я только за! — воскликнула потрясенная руководительница. Алексей и Вячеслав были за...

— С этими гениями хлопотно нам с тобой будет, — предупредил меня друг. И сам, в тот момент человек совершенно непьющий, добавил:

— Серега, я тебя умоляю, не бухай с Лехой...

Это он перестраховывался. Знал, что такой безответственности я не допущу... К тому же с нами была совесть нашего коллектива — Вячеслав. Так однажды Крестинина окрестил я. Как-то на перекуре в ресторане он мне заявил:

— Сережа, ты — ум нашего коллектива...

— С чего это вдруг? — удивился я.

— Сам посуди... О выступлениях договариваешься, зарплату выдаешь. Когда играть, а когда заткнуться, решаешь тоже ты.

— Приятно слышать. А ты, Слава, — совесть нашего коллектива!

— Почему?

— Не пьешь, не куришь, по бабам не бегаешь, спортом занимаешься, — перечисляю я его достоинства. — Совесть в истинном смысле этого слова.

Слава рассмеялся вместе с вышедшими покурить официантами.

День приезда и начало гастролей в северном районном центре Томской области Парабель Леша отметил вечерним походом на близлежащую речку. Из похода он вернулся с головы до ног перепачканный прибрежной грязью, но довольный. Выяснилось, что он соблюдает традицию купаться во всех реках, которые протекают в местах проведения гастролей, если они еще не покрыты льдом. В его активе все великие реки Сибири — Иртыш, Обь, Енисей и Ангара. Из зарубежных — Рейн и Сена...

— В Америке не удалось искупаться, — сокрушался он, — в Огайо (река на востоке США, крупнейший приток Миссисипи) вода такая грязная, что в ней даже рыба не водится и водоросли не растут.

— И плавки растворяются, — пошутил Чудаков.

— Про плавки не знаю, — ответил Леша, — но волосы на голове, говорят, могут повылезать...

— То ли дело у нас, — замечаю я, — пришел на водопой для скота, выкупался и еще грязевые ванны принял...

Иногда кажется, что 1990-е годы смогли пережить только те, кто, несмотря ни на что, не утратил чувства юмора. С юмором у нас все нормально, особенно со смехом над собой.

Нашу концертную группу разместили в деревянном двухэтажном, подготовленном под снос здании бывшего райисполкома. Говоря современным языком, местной администрации... В одном углу просторного, освобожденного от кресел актового зала для нас поставили четыре железные кровати с панцирными сетками и большой стол. Продукты и электрическую плитку с электрочайником мы привезли с собой. Бытовые гастрольные тонкости у нас с Андреем отточены до мелочей. В девяностые годы мы иногда выезжали на маршрут с палаткой, охотничьим ружьем и даже рыболовной сетью...

Утро в Парабели начиналось с раннего подъема Алексея. Это был многолетний установленный ему отцом с детства распорядок дня. В семь утра под метроном он начинал играть этюды для гитары. На него не распространялся принцип «от простого к сложному»... Несложных этюдов он не играл и, в конце концов, переходил к каприсам Паганини.

— За что люблю гитару, — шутит Чудаков, натягивая на голову одеяло, — так это за то, что под нее спать можно...

Пробудившийся Слава занимает со своим инструментом дальний угол зала.

— Как насчет аккордеона, Андрей Семенович? — спрашиваю тоже из-под одеяла.

— Я говорил, что с этими гениями натерпимся, — бурчит Андрей.

Под аккордеон не разоспишься. Ругаясь, Чудаков идет на улицу курить, чтобы чуть позже занять свой репетиционный угол. Он не одобряет фанатизма коллег, но не может выйти на сцену, не разыгравшись. В моем понимании Андрей не менее гениален и виртуозен, чем они. Чудаков — непререкаемый авторитет для всех томских музыкантов, включая Алексея и Вячеслава.

Леша младше нас. Его уважительное отношение ко мне и к Славе проецируется через его почтение к Андрею. Для меня Чудаков тоже не просто друг, а наставник и учитель. Именно благодаря ему я, не имеющий законченного музыкального образования, не могу утверждать, что у меня его вовсе нет. К тому же на театральном отделении Кемеровского государственного института культуры, который я закончил, будущие режиссеры, кроме специфического предмета «музыка в спектакле» и обязательной «истории театра», изучают

чисто музыкальную дисциплину «история музыки». С обязательной музыкальной викториной во время сдачи зачетов и экзаменов. Это когда ты обязан назвать прозвучавшее музыкальное произведение, указать его автора и разобрать услышанное...

У меня, кроме администраторских, по-армейски старшинские обязанности... Иду на рынок, покупаю мясо, затариваюсь свежей зеленью. Заодно выясняю, где баня и какой день в ней мужской. Возвращаюсь. Готовлю завтрак, делаю закладку обеденного борща. В это время маэстро переходят из угла в угол и репетируют отдельные номера вместе и попеременно. Завтрак готов, и я объявляю бессмертное:

— Кушать подано! Садитесь жрать...

На завтрак салат из свежей зелени, каша с мясом и маслом, бутерброды с ветчиной и сыром. Андрей и я едим быстро, что не мешает над чем-нибудь посмеиваться. Маэстро Алексей не уступает в темпе поглощения пищи, и тоже успевает потрепаться на отвлеченные темы... Он, как и я, страдает бытовой скороговоркой. Это врожденное сибирское свойство речи, иногда превращающееся в непреодолимую преграду по пути на сцену... Маэстро Вячеслав ест медленно и молча, будто в армии не служил. Может только пожаловаться на плохой аппетит. Чем мы с Андреем Семеновичем время от времени пользуемся...

Маэстро

Первый концерт в музыкальной школе. Программа составлена Андреем. Моя принадлежность к режиссерской профессии учитывается только из уважения ко мне. Сегодня моя основная роль — ведущий и музыковед. К концерту готовлюсь соответственно. Перечитываю материал о финском композиторе Сибелиусе, чье произведение исполнят Вячеслав и Андрей, а представлять предстоит мне. Для рассказа об аргентинском авторе Асторе Пьяццолле использую соответствующую статью Андрея. Я сам ее когда-то набирал под его диктовку. Специально для гастролей Чудаков с Зимаковым сделали переложение двух частей пьесы «История танго», написанной этим композитором для гитары и флейты. Нужно не забыть сказать об этом... Заодно рассказать об альте, который будет звучать вместо флейты... Распеваюсь и разыгрываюсь сам. Мне проще. Уровень владения инструментом у меня по сравнению с ними средний, но моя задача специфическая... В совместных выходах я должен держать ритм, что для музыканта иногда важнее музыкального слуха. Слух у моих коллег абсолютный. Андрей льстит мне словами, что у меня приближенный к абсолютному... Может, я и слышу как надо, но из-за недостаточной исполнительской техники не всегда могу взять нужную тональность на гитаре.

— Что играем?

— Услышишь.

— Какая тональность?

— Увидишь...

Так, как умеет Слава, редко кто сумеет... Рядом с ним можно пнуть консервную банку и спросить: «Какая нота?» Вячеслав Анатольевич безошибочно скажет какая... Причем не просто си, а, скажем, си-диез или си-бемоль. И добавит, какой октавы...

После утренней репетиции и завтрака мы с Зимаковым пьем кофе, Чудаков с Крестининым — чай. О чем-то болтаем. Алексей не выпускает из рук гитару. Он машинально гоняет пальцами какие-то пассажи... Слушая других и сам что-то рассказывая, продолжает скакать по струнам... Со слов Андрея знаю, что даже дома за телевизором Леша сидит с инструментом в руках. Звучание гитары не мешает ни сну, ни беседе, ни дружеской попойке... Но у нас в данном случае сухой закон.

— На ней просто рукой по струнам проведи, — поясняет Чудаков, — сразу аккорд. Одну-две струны зажал — другой... На скрипке, чтобы что-то приличное зазвучало, лет десять надо пахать...

Профессиональный уровень этих трех музыкантов таков, что говорить «звездный состав» — еще большая пошлость, чем это сомнительного свойства определение. В связи с этим у меня проблемы с Андреем... Он категорически запрещает мне говорить со сцены, что он является лауреатом последнего в истории Всесоюзного конкурса исполнителей. Но ему деваться некуда. Если Зимаков и Крестинин лауреаты международных конкурсов, то нельзя умалчивать почетное звание еще одного участника концерта.

— Тогда и про себя говори, — бурчит Андрей Семенович. — Ты тоже лауреат...

— Ага. Многократный лауреат фестивалей самодеятельной песни в Мухоморенске и Пендюренске... Не какие-то ваши сраные Мадрид с Парижем...

Чудакову с Зимаковым доводилось бывать в Париже. Они охотно бросаются в рассуждения о «сраности» и «засранности» французской столицы.

В конце концов договариваемся о том, что представляю всех со званиями в финале. О себе скажу, что член... Союза писателей России.

Смех смехом, а мы, все четверо, еще и преподаватели — в Томском государственном университете, Томском областном музыкальном училище и Томском областном колледже культуры и искусства. Я работаю в двух из названных учебных заведений... Для Томска, где каждый четвертый житель студент и на каждую тысячу жителей приходится полтора профессора и доктора наук, это обыденность. Для выпускников Новосибирской консерватории Андрея и Вячеслава и Института имени Гнесиных — Алексея (у двух из вышеупомянутых еще в активе аспирантура) преподавание — долг и священная обязанность. Если мне нужно ко всем троим обратиться одновременно, звучит это примерно так:

— Чего сидим? Встали и пошли на сцену, консерваторы!

— Мы не консерваторы, — возражает Вячеслав.

— А кто вы?

— Мы — новаторы, — говорит Алексей.

— Инноваторы, — иронизирует часто имеющий перпендикулярное мнение Чудаков.

Концерт проходит на ура. Леша поднимает планку исполнительского уровня так высоко, что остальным участникам концерта приходится соответствовать. Большая часть нашей публики — благодарные и искушенные преподаватели музыкальной школы и их ученики, собравшиеся, несмотря на каникулы, почти все до одного. Чтобы не подниматься на высокую сцену, веду концерт из зала. Это даже не сцена, а подобие открытой эстрады, четверть которой занимает старый, помутневший от времени, матово-черный рояль. Смотрю концерт как зритель. Как зритель, увлекаюсь блестящим исполнением. Как режиссер, знаю, что внимание слушателей концерта или спектакля начинает расфокусироваться на пятидесятой минуте выступления. Как артист с концертным опытом и преподаватель, осведомлен, что пик восприятия учеников и студентов сокращается до сорока пяти минут — длительности урока. Что бы ни происходило на сцене, в подсознании школяров через это время наступает перемена... Сейчас нужно взбодрить зал, чтобы не потерять его перед выходом на финал. Взбираюсь на сцену. Вместе с залом мяукаем в моей почти взрослой «Песенке про зайку» (автор Сергей Максимов. — *Ред.*). Посмеялись, погрустили. Будем считать — передохнули. С популярной классической музыкой движемся к финалу. Потом вчетвером исполняем «Либертанго» Астора Пьяццоллы. В заключение беспроегрешный в любой зрительской аудитории «Чардаш» Витторио Монти.

Несмотря на малочисленность публики, зал бисирует и долго не отпускает. После выступления артистов обступают зрители. Живая легенда Зимаков в центре внимания. Долго беседуют. Я проставляю у директора школы печать на наряд-путевке, подтверждающей состоявшийся концерт, и, не дожидаясь товарищей, отправляюсь к месту расположения в бывший райисполком кормить личный состав...

Борщ более чем удался. Свежайшая говядина и весь спектр зелени, доступный в конце лета в Сибири. Помидоры здесь созревают не хуже, чем на Алтае, огромные и сочные. Роскошный салат с деревенской сметаной и мясом курицы. Даже Вячеслав ест с нескрываемым аппетитом. Смели все, против обыкновения не проронив во время обеда даже слова.

Послеобеденное время проводим на школьной спортплощадке поблизости. Спортивные Алексей и Вячеслав поочередно совершают подходы к турнику. Мы с Андреем тоже можем, но сейчас курим и подтруниваем:

— Тяжела, родимая, — как сержант в учебке, комментирую Лешино подтягивание.

— Нет, — возражает Андрей, — это все из-за борща...

В итоге музыкант-виртуоз со смехом срывается с перекладкины.

— Да идите вы, — беззлобно отмахивается Алексей и начинает делать упражнения на растягивание.

Он имеет черный пояс по карате. При всей своей технической вооруженности он время от времени умудряется получать по лицу от всякой шпаны.

— Это что, — продолжаю я, — вот у Славы растяжка так растяжка...

Долгое время в колледже культуры Вячеславу, кроме преподавательской работы, доводилось аккомпанировать на хореографическом отделении. В конце занятий с первокурсниками заведующая отделением Валентина Петриева иногда прикалывалась:

— Теперь, девочки, можете отдохнуть. А Вячеслав Анатольевич покажет вам, что такое настоящий гранд батман.

При этих словах Слава вставал, ставил на стул аккордеон, подходил к танцевальному станку и без всякого напряжения забрасывал ногу в продольном шпагате вертикально вверх.

По моей просьбе он разыгрывает этот аттракцион на школьной спортплощадке для Алексея. При этом не тянет носок, а оставляет здоровенную ступню согнутой в суставе. Мы с Андреем смеемся. Леша удивляется как ребенок...

Все трое маэстро своими психофизическими данными опровергают обывательские представления о рафинированности музыкантов и их якобы изнеженных музыкальных пальцах. Например, у Вячеслава ладони такие же большие, сильные и пластичные, как у Алексея. Андрей, если что-то захватит своими паучьими пальцами, то вырвать это практически невозможно. К тому же он завязанный рыбак и охотник. У Славы еще и аккордеон весом двенадцать килограммов. Из-за немалых физических нагрузок при игре стоя среди баянистов бытует поговорка: «Курица не птица — баба не баянист»... Баянистка или аккордеонистка может хорошо играть только сидя. Кстати, чтобы вывести Славу из душевного равновесия, достаточно назвать его аккордеон баяном. Воспринимает как личное оскорбление...

Аккордеонист

Вячеславу Крестинину

Аплодисменты.

И мгновенья

ведут артиста на поклон.

Я поражаюсь совпаденью:

он и аккордеон...

Непостижимая элитность

и несказанное родство...

Какая с инструментом слитность!

И кто был создан для кого?!

На вечернем концерте в районном Доме культуры зал сначала был заполнен на две трети. Начинается уборочная страда, еще не закончилось время дойки коров. Сельским труженикам не до концертов. К тому же реклама концерта выполнена так себе — плакат, нарисованный фломастером с перечислением имен участников.

Вспоминаю казус из времен своей режиссерской молодости в советское время. Ко мне на репетицию Народного театра при районном Доме культуры в городе Асино, где я в то время работал, с выпученными глазами врывается методист отдела культуры. Она панически тараторит:

— Сергей Григорьевич, там от филармонии артисты Большого театра приехали, а народу почти нет. Вы не могли бы со своим коллективом на концерт сходить?

— Где концерт? Кто приехал?

— В музыкальной школе. А приехали какие-то женщины и мужик... Певец. Фамилию не помню. Зовут — Артур.

— Эйзен? — спрашиваю ошарашенно я.

— Точно! Эйзен! Артур.

Какие пути привели на север Томской области Артура Эйзена, можно было только догадываться, но в советское время такое было возможно.

Вот и здесь какой-то Зимаков приехал, а то, что это величина мирового уровня, никто знать не знает. Хотя лица некоторых зрителей узнаваемы по утреннему выступлению.

Менее искушенные в музыке, чем слушатели в музыкальной школе, зрители Дома культуры не менее доброжелательны. К тому же во второй половине концерта зал заполняется полностью. Конечно, успех! Конечно, зрительский восторг, привыкнуть к которому настоящему музыканту невозможно...

Таежные реки

Специфика нынешних гастролей такова, что путешествуем в основном по воде. Теплоходы из бассейна Оби к тому времени исчезли, и мы перемещаемся от одного населенного пункта к другому на плоскодонных водометах. Только эти ветераны речного флота смогли пережить лихолетье девяностых.

Алексей и Вячеслав в этих краях впервые, поэтому мы с Андреем выступаем в роли гидов. Вспоминаются байки речников с упоминанием местных топонимов:

— Видишь звезду, сынок?

— Вижу.

— Там Крым. А Полярную звезду видишь?

— Вижу.

— Там — Нарым...

У присказок такого рода ссыльнокаторжные корни. «Бог создал Крым, а черт Нарым» или «Бог создал рай, а черт Нарымский край».

Из Оби перебираемся в Васюган.

Я опять в том краю,
где везут речники,
где короче,
чем крик чайки, лето...
Где настоем хмельным
льется запах тайги,
где текут реки
чайного цвета...

Чайный цвет воды в реках томского севера не фигура речи. Жизнь многим из них дают ручейки из торфяных болот. У Васюгана вода черная и густая, как чифир. Подарив название целой равнине и одному их самых крупных в мире болот площадью пятьдесят три тысячи квадратных километров, Васюган переводится с хантыйского как «узкая река». Если сравнивать с Обью, это узенькая речушка свыше тысячи километров длиной и, в нижнем течении, в шестьсот метров шириной.

Алексей и Вячеслав прожили всю жизнь в Томске и впервые на Васюгане. Как и положено выдающимся музыкантам, они экспрессивны и не скрывают своих эмоций. Свои черные воды быстрое течение реки несет мимо обрывистых берегов, почти целиком состоящих из многометрового слоя торфа.

Мы с Андреем раззадориваем коллег:

— В среднем течении высота берегов достигает пятидесяти метров...

Не вспомню точно, в каком селе, но Алексей продолжил традицию купания в реке по месту пребывания. Впечатление изложил кратко:

— Вода ледяная...

— Вот поэтому, Леша, ханты, манси и селькупы всю жизнь на реке живут, а плавать не умеют...

— Слушай, точно! — восклицает Леша. Эти гастроли для него полны неожиданных открытий.

Удивление и восхищение качеством наших выступлений со стороны зрителей следуют из концерта в концерт. Каждое выступление завершается тем, что можно назвать зрительской конференцией. Нас еще и угостить норовят. Следующее село не исключение. Отказываемся от спиртного, но благодарно принимаем рыбу. На нашем столе постоянно стерлядь в любом виде. Ночуем где придется. Как правило, это сельсовет, сельская библиотека или клуб, если они еще не пришли в полную негодность. Постельным бельем обеспечивают жители. Здесь библиотека недавно пережила пожар. Уцелевший книжный фонд свален в кучу в фойе клуба. Грустно...

Зрители разошлись. Наконец можно перекурить. Неодобрительно глядя на нас, некурящий Вячеслав отходит в сторону.

— Слава, я недавно узнал, что страдающим болезнью Паркинсона запрещают бросать курить.

Я не лгу. Это действительно так.

— Мало того, — продолжаю я, — английские ученые утверждают, что курильщики не страдают болезнью Альцгеймера.

— Они до Альцгеймера не доживают, — в своей манере уточняет обладатель критического мышления Чудаков.

Проводив зрителей, подходит представитель принимающей стороны — директор местной сельской школы, миловидная женщина средних лет. В ее же ведении полуразрушенный клуб. Ее восхищение и удивление сопровождаются подозрительностью:

— Вы женаты? — настороженно интересуется она у Славы.

— Да, — спокойно отвечает Вячеслав.

— Вы тоже? — вопрос к Андрею.

— Да.

— А вы?

— Не единожды, — не понимая, к чему она клонит, признаюсь я.

— И дети есть?

— И дети есть.

— Я один тут неженатый, — точно он в чем-то виноват, объявляет Алексей.

— Но женщина есть? — не унимается наша собеседница.

— Конечно.

— Надо же! Такие красивые, талантливые и не педерасты! — с провинциальной непосредственностью радостно изрекает лапочка-директор.

— Нас не это сближает, — с серьезным лицом ставит точку в разговоре Андрей Семенович.

Это было время, когда исполнители нетрадиционной ориентации заполнили собой российский телевизионный эфир. Позже понимаем, что женщину смутили длинные, приклеенные к пальцам правой руки ногти Алексея. Ногтевой способ звукоизвлечения предполагает отращивание ногтей. Появление новых технологий избавило гитаристов-профессионалов от достаточно хлопотного выращивания оных. Теперь гитаристы-виртуозы стали использовать искусственные ногти. Нашей собеседнице, скорее всего, ни разу не доводилось видеть такие вблизи... У Леши они были не только длинные, но и черные, как у вампира из фильмов ужасов. В продаже были только такого цвета...

На мой взгляд, Алексей Зимаков до конца жизни оставался романтиком. Это проявлялось в исполнении им любого произведения. Нарочитой грубостью Леша защищался от грубой реальности, лишенной всякой, кроме уголовной, романтики. В результате у него создалась репутация человека неуживчивого, драчливого и злоречивого. При этом еще и пьющего... Его специально задирали...

— Алексей Викторович, а как у вас сейчас насчет этого? — при трудоустройстве на работу сопровождает вопрос характерным щелчком пальцев по горлу одна невысокого ранга руководительница.

— А как у вас насчет этого? — в свой черед спрашивает Зимаков, сопроводив вопрос жестом, обозначающим обладание сексуальным партнером...

На работу его принимали, но добрые отношения с администрацией, как правило, не складывались.

Уходящее лето

Сейчас понимаю, что в те августовские дни Алексей был по-настоящему счастлив. Как правило, одаренность такого уровня порождает невыразимое чувство одиночества. Музыкальная среда часто отравлена подозрительностью и подлой злобной завистью. Рядом с Андреем и Вячеславом ему это не грозило. Это было искреннее и плодотворное содружество творческих людей.

Струны

Алексею Зимакову

Когда Бог радость разделил и муку,
а человек охоту и войну,
то кто-то первым тетиву от лука
осознанно воспринял как струну...

Таинственен путь звуковых потоков...
Свои имеют горы, море, лес...
Но знают путь от нас и до истоков
лишь птицы — толкователи небес...

Календари, и солнечный, и лунный,
не все хранят, что кануло в веках...
И нечто есть, что знают только струны,
и звук их в Богом избранных руках...

Леша потрясен тем, что ему посвятили стихи. Снова и снова просит прочесть. Его немного смущают строки о богоизбранности рук, но зато «Струны» понравились Андрею и Вячеславу. Я более чем доволен.

Много лет потом Алексей при встречах будет повторять:

— А помните, чуваки?..

Затем последует упоминание какого-нибудь эпизода из тех памятных гастролей. Его воспоминания подобны ложной памяти. Как это часто бывает, он будет вспоминать даже то, чего не было. Как литератор, знаю, что на ложной памяти выстроены все воспоминания о чем-то хорошем, дорогом и значимом. Срабатывает правило, открытое Валентином Пикулем: «Исторический роман — не то, что было на самом деле. И не то, что логично выдуманно. Это то, что было вопреки всему...»

Эти гастроли тоже были вопреки всему... Начиная от уникального состава нашего камерного ансамбля до географии передвижения... Гастроли оказались первыми и последними в этом составе... Молодые посетители наших концертов впервые увидели наяву музыкантов такого уровня. Услышали, как вживую звучат альт, гитара и аккордеон. Такие вещи в корне меняют восприятие музыки. Может, после этого кто-то не станет спешить переключать свой телевизор в пользу музыкального мусора... Память, особенно детская, отошлет к первому, лучшему впечатлению...

Каждый новый день Алексей и Вячеслав встречали и провожали с инструментами в руках... После концерта в Тымске, под вечер, очередной раз поработав над каприсом Паганини, Алексей подсел к Вячеславу. Не выпуская из рук гитару и аккордеон, традиционно Зимаков пил кофе, а Крестинин — чай... Мы с Андреем были больше расположены к созерцанию, чем к музыке, поэтому отправились на обрывистый берег тымской протоки. С высокого яра, украшенного реликтовым кедром, открывался вид на темное неподвижное зеркало старицы и гигантские заливные луга на другом, пологом берегу. На той стороне, в метрах пятистах от воды, пасся небольшой лошадиный табун. В полном безветрии застыла нарушаемая лишь орлиным криком таежная прохладная тишина уходящего лета.

Впервые в Тымске я вместе с сыном оказался с делегацией томских писателей в сентябре в начале 1990-х годов. Тымский кедр встретил нас небывалым урожаем орехов и бесчисленным беличьим поголовьем.

Встречала делегацию литераторов директор школы и один из ее учеников. Этакий Вовочка из анекдотов.

— Володя, пробегги по деревне. Скажи народу, чтоб в клуб шли. Писатели к нам приехали.

— Марья Ивановна, какие писатели! Они все давно умерли, — удивился непосредственный пятиклассник.

Где теперь этот Вова? На концерте той учительницы и ее ученика точно не было... Но зал клуба снова был переполнен.

— Завтра сводим наших гениев в кедр, — говорю Андрею.

Рассказываю, как собирали с сыном в нем шишки и как белки быстрее людей оказывались рядом со сбитыми ветром природными ореховыми контейнерами...

— Сейчас еще рано собирать, — замечает Андрей.

Знаю, что рано, но белки уже начали сбор ореха. Они безошибочно вычисляют созревшие шишки и легким прикосновением сбрасывают их с верхушек таежных гигантов на землю. Будет, что посмотреть...

Наш выход на природу закончился комически... Стояли и беседовали до того момента, пока пролетающий в вышине коршун не нагадил Чудакову на плечо куртки. Что сказал Андрей вслед улетающему «толкователю небес» я по известным причинам опушу. Утешал друга:

— Не расстраивайся... Радуйся тому, что так вышло... Вообще-то он в голову тебе целился...

По возвращении в клуб, где мы располагались на ночлег, загадал коллегам загадку:

— Стояли на берегу реки два музыканта... Пролетавший в небесах орел нагадил сверху на одного из них. Спрашивается: кого обверзал коршун, если у одного фамилия Максимов, а у другого — Чудаков?

«Верзать» на музыкальном жаргоне значит справлять естественную нужду. С удовольствием посмеялись перед сном. Народная примета утверждает, что пережившего такое происшествие человека ожидает увеличение доходов или карьерный рост. Крылатый толкователь не обманул...

Coda¹

— Пропадет он без меня, — говорил о сыне накануне своей кончины папа Алексея Виктор Зимаков.

Так оно и случилось... Сына ему пришлось воспитывать одному. Нельзя сказать, что Алексей вырос неприспособленным к жизни. Отец — бывший морской офицер — держал сына в ежовых рукавицах.

Если Андрея, Вячеслава и меня привели в музыкальные школы воспитывавшие нас без отцов мамы, то первой музыкальной школой для Алексея был его отец. В музыкальное училище будущий маэстро поступал, можно сказать, после домашнего обучения... Ситуация была похожей на историю юного Пабло Пикассо и его отца, академика живописи. До 14 лет он позволял Пабло лишь дорисовывать лапки голубей на своих работах, а позже, после написанного сыном «Пикадора», заявил: «Учить тебя больше нечему...» Где-то в архивах томской ВГТРК хранится любопытная запись выступления замечательного дуэта — отца и сына, учителя и ученика. Невооруженным взглядом видно, что исполнительская техника Зимакова-младшего уже превосходит умения его отца. Это тот случай, когда партнер не только радуется за коллегу, но и гордится, что выступает с ним вместе на одной сцене.

По прошествии лет для меня очевидно, что трагедия могла не состояться, получи Алексей подобающее ему официальное признание. Несмотря на перечень необходимых для этого достижений, стать заслуженным артистом России ему было не суждено. Хотя в то время даже при меньших творческих свершениях будущие иноагенты из числа музыкантов становились заслуженными и народными артистами или даже кавалерами ордена «За заслуги перед Отечеством»...

Ситуацию усугубляли его жесткий характер и отношение к нему руководителей от культуры... С одной стороны, своими концертами он открывал сезоны во многих областных филармониях России. С другой — довольствовался выступлениями на томских второстепенных

¹ С *итал.* coda — «хвост, конец, шлейф». В музыке — дополнительный раздел, возможный в конце музыкального произведения и не принимающийся в расчет при определении его строения; пассаж заключительной части произведения. В жаргоне музыкантов coda — эмоционально неприятное окончание чего-либо.

площадках. Как чрезвычайно одаренный музыкант, он не нуждался в подпорках званиями и наградами, но это было нужно для психологической устойчивости. Душа у него, как это принято говорить, была не на месте. Как артист, Алексей был лишен эпатажности, чрезвычайно органичен как в жизни, так и на сцене. Никогда не задирал носа и не задавался, но при этом все окружающие невольно отмечали присутствие в нем чувства внутреннего достоинства.

В день похорон Леши после концерта ближе к вечеру возвращаемся в Томск из Новосибирска. Томск несколько часов назад уже простился с музыкантом-виртуозом. Наша троица его не успела даже помянуть... Андрей за рулем... Вячеслав трезвенник... Я не прикоснулся к спиртному, чтобы не смущать своих друзей-товарищей в дороге. Да и домой мне нужно было срочно... По внешним признакам мой кот Саня, тот самый, что некогда путался у меня под ногами и мешал разговаривать с Андреем, тоже надумал помирать... Почти всю дорогу молчим. Выясняется, что все трое вспоминаем наши гастрольные скитания. Но окрашенная грустными улыбками эта печаль светла...

Смерть Леши воспринимается как избавление от мук... Господь прибрал, в смысле, смилостивился... Несмотря на усилия врачей, после обморожения все его пальцы сохранить не удалось... Два уцелевших на обеих руках больших пальца позволили бы сносно существовать. После соответствующих операций и с помощью ультрасовременных протезов ему можно было бы приспособиться жить дальше... Но такие «возможности» замены живых музыкальных пальцев только усиливали депрессивное состояние маэстро. По большому счету, теперь понятно, что он был обречен...

«...Черт догадал меня родиться в России с душой и с талантом!» — восклицал А. С. Пушкин в письме супруге Наталье Николаевне. В случае с Алексеем еще хлеще... «Он сибиряк. Настырные они», — не без иронии пел Владимир Высоцкий... Вместо того, чтобы переехать в столицу, где только одни концертные перспективы совершенно несравнимы с провинциальными, Алексей не мыслил себя вне Томска.

Как и Андрей. Однажды я спросил у Чудакова:

— Ты почему в Москву или в Питер не перебрался? Ведь не раз приглашали...

— Мне только здесь комфортно, — ответил рыбак и охотник, подтверждая музыкантское присловье, что «альтист — это скрипач с темным прошлым».

Лично для меня лето и черноморское побережье Кавказа — любимые время и место отдыха, но с раем это не ассоциируется. За Вячеслава говорить не берусь, но Алексей неоднократно признавался, что и в столице, и за границей он будто задыхается... Зимаков всегда тосковал по родному Томску.

Три года после трагедии он тщетно пытался приспособиться к новым обстоятельствам. Его характер, и без того сложный, стал невыносимым. В общении со студентами его больше раздражало

не то, что они играют не столь хорошо, как бы ему хотелось, а то, что он не в состоянии показать, как следует играть...

Участие и внимание неравнодушных людей он стал воспринимать как унижительную жалость. Единственный человек, к мнению которого он прислушивался до последнего, был Андрей. Сам Чудаков неоднократно сетовал на то, что Алексей ведет себя по отношению к самым первым друзьям «как последняя свинья»...

Особенно натерпелась Ольга Самохина, его единственный и бесменный аккомпаниатор. За день до своей кончины в своем блокнотике она сделала последнюю запись: «Завтра у нас с Лешей концерт»... и умерла.

Вернувшись из Новосибирска, я с котом в сумке отправился в ветеринарную клинику... После всех медицинских процедур три дня Саня лежал почти без движения. На четвертый с улицы я увидел его на подоконнике в окне квартиры. Было видно, что он что-то мяукает мне через стекло. Значит, жить будет...

С тех памятных дней минули годы. Мы с киской много чего пережили. Лето по-холостячки проводили на природе. Кто-то ловил мышей и птичек... Недавно справили новоселье. Из окон лоджии на восьмом этаже кот-долгожитель отслеживает передвижения белок в сосновом бору, слушает стук дятла и молодецки реагирует на пролетающих мимо птичек. Душевная близость творит с близкими чудеса. Если повезет...

